

Сладкая Арман

ВИРУС

УДК 82-312.4
ББК 84-4
А83

А83 **Арман С.**
Вирус / Сладкая Арман – М.: Литнет, 2025. – 198 с.

ISBN 978-5-521-94228-2

По Земле стремительно распространяется смертельный вирус. Молодые микробиологи работают над лекарством. Аварийная блокировка оставляет их одних в эпицентре катастрофы. Они должны создать вакцину и выжить. Вынужденная близость и адреналин рожают не только научные озарения, но и яростную страсть. Вот только есть те, кто стремится отобрать вакцину, для которых нажива важнее жизни миллиардов. Сумеют ли выстоять молодые ученые? Любовь спасет мир?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94228-2

© Литнет, 2025
© С. Арман, 2025

Пролог

Шри-Ланка, археологический раскопки в джунглях близ Сигирии

Воздух был густым и сладким, как перезрелый манго. Он обволакивал, лип к коже, смешиваясь с запахом влажной земли, гниющих листьев и пота. Солнце стояло в зените, раскаляя до бела известняковые скалы, но здесь, в тени гигантских фикусов, царил зеленый, душный полумрак.

— Раджив! Смотри, что я нашел!

Голос Аджита, молодого аспиранта, звенел от возбуждения, разрезая ленивое жужжание насекомых. Доктор Раджив Шарма, мужчина лет пятидесяти с сединой на висках и усталыми, мудрыми глазами, отложил в сторону кисть и медленно выпрямился, с трудом разгибая спину, затекшую от долгой работы в неглубокой траншее.

— Если это еще один черепок с орнаментом в виде волны, я лично закопаю тебя здесь вместе с ним, — проворчал Раджив, но в уголках его глаз залегли добрые морщинки. Радость Аджита была заразной.

— Нет, сэр! Это другое. Каменный ларец. Герметичный, кажется!

Раджив поспешил к яме, где работал его протеже. Сердце застучало чаще. Герметичность — мечта любого археолога. Это означало нетронутость, возможность найти органику, папирусы, нечто, что не сгнило за тысячелетия. Аджит аккуратно, с затаенным дыханием, счищал землю с плоского камня. Это действительно был ларец, грубо отесанный, но с искусно подогнанной крышкой, края которой были залиты темной, похожей на смолу субстанцией.

— Божественно, — прошептал Раджив, забыв об усталости. — Осторожнее, сынок. Дай мне.

Он надел перчатки и взял в руки инструменты. Минуты напряженной тишины, нарушаемой лишь цоканьем резца по камню. Нако-

нец, раздался глухой скрежет, и крышка поддалась. Аджит замер, широко раскрыв глаза. Внутри, на подложке из истлевшей ткани, лежали несколько изумительно тонких золотых пластин с вычеканенными письменами и маленькая алебастровая чаша, наполненная темным, высохшим порошком.

– Это не местный стиль, – завороченно произнес Раджив, проводя пальцем в перчатке по прохладному золоту. – Похоже на... нет, не может быть. Это нужно изучать.

Внезапно из-под камня, сдвинутого с места, метнулось что-то темное и юркое. Крыса. Крупная, откормленная на отбросах лагеря, она в панике пронеслась по руке Раджива, оставив на тыльной стороне ладони, где перчатка чуть сползла, тонкую, глубокую царапину.

– Ай! Проклятая тварь!

Раджив отдернул руку. Из царапины уже сочилась алая кровь, смешиваясь с грязью и пылью веков.

– Профессор! – испуганно вскрикнул Аджит. – Позвольте, я...

– Ничего, пустяк, – буркнул Раджив, но кровь не останавливалась, продолжая течь густой, тревожной струйкой. – Здесь, в этой влажности, любая царапина заживает неделями. Вода... нужно промыть.

Он пошагал к ближайшему ручью, что струился у подножия скалы, прозрачный и холодный на вид. Аджит беспокойно следовал за ним.

– Давайте лучше аптечку, йод! Кто знает, что было в земле...

– Йодом тут не поможешь, – отмахнулся Раджив, уже опуская руку в ледяную воду.

И тут произошло нечто странное. Вместо того чтобы смыться, кровь будто заиграла. Соприкосновение с водой не остановило кровотечение – оно усилило его. Алая струйка стала темнее, гуще, превратившись в поток, который не смывался, а растекался по воде, словно масло, создавая зловещие разводы.

– Что за черт? – прошептал Раджив, и в его голосе впервые прозвучала тревога. Он выдернул руку, но кровь продолжала хлестать с пугающей силой, капая на мшистые камни. Головокружение овладело им, и он пошатнулся.

– Доктор Шарма!

Аджит, в панике, забыв обо всех правилах безопасности, схватил его за запястье здоровой руки, пытаясь осмотреть рану. Его пальцы запачкались в крови наставника – теплой, липкой, неукротимой.

– Пусти, мальчик, испачкаешься! – попытался отстранить его Раджив, но его голос ослаб. Он вдруг почувствовал жар, разливающийся по венам, и тошнотворную слабость. – Что-то не так... Мне плохо...

Он грузно опустился на колени, а затем на землю, судорожно хватая ртом воздух. Из носа у него потекла кровь. Затем из уголков глаз, окрашивая слезы в багровый цвет. Аджит отпрянул в ужасе, глядя, как его друг и учитель превращается в окровавленное, дергающееся в агонии тело. Вода в ручье вокруг его рук была алой.

– Нет! Нет! Держитесь, сэр! Я бегу за помощью!

Аджит развернулся и бросился прочь, через джунгли, к лагерю. Его сердце бешено колотилось, в ушах стоял звон. Он бежал, спотыкаясь о корни, смахивая с лица слезы и пот. Через несколько сотен метров его охватила жажда. Он увидел еще один ручей, тот самый, что протекал мимо их палаток. Не думая, не помня о предостережениях, он рухнул на колени и стал жадно хлебать ладонями холодную воду.

Она была такой же чистой и прохладной, как всегда. Он пил, задыхаясь, чувствуя, как живительная влага возвращает ему силы. Он не видел, как в нескольких метрах выше по течению вода все еще несет в себе невидимую заразу, переданную из раны Раджива. Вставая, он почувствовал легкое головокружение и тошноту. «Страх, – решил он. – Просто от страха». Он снова побежал, уже видя палатки.

– Помогите! – закричал он, выбегая на поляну. – Доктору Шарме плохо! Нужен врач!

Люди высыпали из палаток. Кто-то схватил аптечку. Аджит, тяжело дыша, оперся руками о колени, чувствуя, как по его спине бегут мурашки, а в горле застревает ком. Он обернулся, чтобы показать дорогу, и почувствовал, как из его носа что-то теплое потекло на губы. Он провел тыльной стороной ладони по лицу и посмотрел на нее. Рука была в крови.

В тот же миг закричала женщина-археолог, первая добежавшая до него. Она с ужасом смотрела на его лицо. Аджит не понимал. Он почувствовал влагу на шее, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки – на груди проступали багровые пятна. Он посмотрел на людей вокруг. Их лица искажались от ужаса. Они отшатывались от него. Кто-то потянулся, чтобы поддержать его, но более осторожный коллега резко одернул его за руку: «Не трогай его!»

Но было уже поздно. Вирус, пробудившийся из тысячелетней спячки, уже вел свою страшную работу. Он вошел в мир не через дыхание, а через прикосновение и воду. Через кровь и страх. И ему было всего этого достаточно.

Глава 1

Маргарита

Пробирка в моей руке была ледяной, словно выточена из самого вечного льда. Я задержала дыхание, переводя взгляд с ярко-желтой биологической опасной маркировки на микроскоп. В его окуляре дремал наш общий кошмар – вирус «Пандемоний». Пока дремал. Всего несколько нанометров генетического кода, упакованных в идеальную, смертоносную сферу, которые уже перевернули мир с ног на голову.

А еще раньше, всего пару недель назад, главной проблемой дня был кофе. Вернее, его отсутствие в нашей общей кухне, потому что его снова выпил тот, кто сейчас сидел напротив меня, по ту сторону стерильного бокса. Лев Орлов. Мы звали его Лео.

Его спина была идеально пряма, даже сейчас, в четыре часа вечера пятницы, когда институт практически опустел. Он был погружен в данные секвенатора, и свет от монитора отбрасывал голубоватые блики на его скулы и упрямо сжатые губы. Он не просто работал. Он медитировал над цифрами, отрешаясь от всего материального, словно буддийский монах, только в качестве мантры у него были последовательности РНК.

Мы работали в одной команде полгода, и за эти полгода мы не обменялись ни единым личным словом. Только факты. Гипотезы. «Передайте, пожалуйста, физраствор». «Ваша методика имеет погрешность в 0.4%». «В протоколе допущена ошибка».

Иногда, в самые редкие и странные моменты, я ловила на себе его взгляд. Не коллеги, оценивающий работу. Взгляд мужчины. Тяжелый, изучающий, такой плотный, что его почти физически можно было ощутить на коже. Он длился микросекунду, а потом бесследно испарялся, словно его и не было, а я оставалась с про-

тивным чувством, что мне показалось, и легкой дрожью в коленях, которую я приписывала усталости.

Я ненавидела эту его способность – выстраивать вокруг себя невидимую стену из абсолютного спокойствия. Пока весь мир сходил с ума от новостей о вспышках на юге, пока в соцсетях плодились панические посты, он оставался непоколебимым ледником. Меня это бесило. Потому что я чувствовала. Я читала каждое сообщение, каждую сводку, и внутри меня закипал ужас за всех этих незнакомых людей, чьи жизни превращались в статистику. А он видел лишь красивую математическую модель распространения.

– Захарова, вы закончили с культивированием? – его голос, низкий и безэмоциональный, прорезал гул системы вентиляции. Он не обернулся, продолжая смотреть в монитор.

«Захарова». Всегда «Захарова». Ни разу – «Маргарита» или хотя бы «Рита».

– Да, Орлов, – отозвалась я, стараясь, чтобы мой тон был таким же ровным и холодным, как и его. – Штамм Р-42 показывает ожидаемую скорость репликации. В три раза выше, чем у Р-41.

– Пришлите данные мне. Я веду сравнительный анализ.

Не «пришли, пожалуйста». Не «можно». Просто приказы, отданные в пустоту. Я стиснула зубы и несколькими кликами переслала ему файл. На его мониторе всплыло уведомление. Он кивнул, всего один раз, и погрузился в изучение.

Я отвернулась к своему микроскопу, пытаюсь сосредоточиться на прекрасной, страшной симметрии вирусных частиц. Но сегодня не получалось. Сегодня было тяжело. Утром пришло сообщение от подруги из соседнего города – у них ввели карантин в нескольких районах. Она писала, что в аптеках сметают все, а по улицам ездят военные грузовики. Мои пальцы непроизвольно сжали подол белого халата. Я представила этих людей. Их страх. Их семьи. Для Лео они были лишь переменными в уравнении. Для меня – нет.

Внезапно резко зазвонил телефон на столе у Лео. Не его лич-

ный, а служебный, прямой провод правительственной связи. Он вздрогнул – редкое проявление чего-то живого – и схватил трубку.

– Орлов, – отрывисто представился он.

Я притворилась, что занята своими пробирками, но все мое существо напряглось, ловя каждый звук.

– Когда?.. Где?.. Понятно. – Его голос стал еще жестче, в нем зазвучали стальные нотки. – Сколько образцов?.. Да, лаборатория готова. Жду.

Он положил трубку. В лаборатории повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь монотонным гудением оборудования. Он медленно повернулся ко мне на своем стуле. И впервые за все полгода я увидела в его глазах не холодное безразличие, а нечто иное. Сосредоточенную, острую, как скальпель, серьезность.

– Захарова, – произнес он, и мое имя в его устах прозвучало как приговор. – Карантин объявлен у нас. В городе. Первые заболевшие поступили в первую горбольницу час назад.

У меня перехватило дыхание. Холодная волна страха прокатилась от макушки до пят. Это было уже здесь. Рядом. Не на экране телевизора, а за стенами этого стерильного, безопасного кокона.

– Боже... – вырвалось у меня шепотом.

– Боги не имеют к этому никакого отношения, – холодно парировал он. – Ко мне сейчас доставят образцы тканей первых носителей. Нам предстоит работа. Вам лучше позвонить родным и сказать, что вы остаетесь здесь. На неопределенный срок.

Он встал и направился к шкафу, чтобы достать дополнительный комплект защиты. Его движения были выверенными, экономичными, лишеными суеты. Он выглядел так, словно ждал этого всю жизнь. А я стояла, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Я посмотрела на свой телефон. Родные. Мама, живущая в трехстах километрах отсюда. Я должна ей позвонить. Сказать... что? Что я заперта в лаборатории с самым опасным патогеном на планете и с человеком-айсбергом, который, кажется, вообще лишен эмоций?

Мои пальцы дрожали, когда я набирала номер. Лео уже облачался в дополнительный костюм биозащиты, и сквозь прозрачное пластиковое забрало его взгляд на мгновение задержался на мне. В тот миг мне показалось, что в его глазах мелькнуло нечто похожее на... понимание? Нет, показалось. Просто свет играл. Телефон на другом конце провода зазвонил. Где-то там, в другом, еще безопасном мире, моя мама, наверное, смотрела телевизор и волновалась за меня. А здесь, в этом мире, пахло стерильной чистотой и надвигающимся концом света. И единственным человеком, с которым мне предстояло встретить этот конец, был Лео Орлов. Молчаливый, холодный и абсолютно непостижимый.

Я прижала телефон к уху, слушая длинные гудки, и поймала себя на мысли, что смотрю на его руки. Уверенные, сильные руки хирурга или пианиста, натягивающие вторую пару перчаток. И почему-то именно это зрелище заставило мое сердце бешено заколотиться не только от страха.